

Б. Г. Фаткулин
Челябинск, Россия

**ТЕРМИНОЛОГИЯ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ «ИРАНИСТИКА»
В ПАРЕ ЯЗЫКОВ «РУССКИЙ — КИТАЙСКИЙ»: ПРАКТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКОВЫХ ФАКТОВ**

АННОТАЦИЯ. Статья нацелена на аккумуляцию терминов китайского языка, обслуживающих предметную область «иранистика». Для выделения образцов терминологии использован скрипт «baidubaikе». Ресурсом для осуществления выборки является онлайн-энциклопедия на китайском языке «Baidu Baike». Путем сопоставления выявлены особенности формирования терминологии иранистики в китайском языке. Китайские специалисты по Ирану неизбежно испытывают определенные трудности в обработке текстов на языке фарси и во введении в научных оборот терминов иранистики. Эти трудности обусловлены рядом факторов лингвистического характера. Во-первых, способы словообразования в китайском языке отличаются от способов, принятых в персидском языке: новоперсидский язык в процессе словообразования использует все методы, характерные для индоевропейских языков (аффиксацию, основообразование). Иероглифическая передача терминов стирает этимологию слов и не отражает их смысловую мотивировку. Во-вторых, китайский язык принадлежит к изолирующим языкам, где слова носят односложный характер, и транслитерация многосложных терминов из языка фарси затруднена. Попытки транслитерировать иранские термины комбинацией похожих по звучанию иероглифов порождают лексическую омонимию, что затрудняет восприятие терминов неспециалистами. При сопоставлении с русским языком было выявлено, что в смысловом отношении терминология китайского языка по предметной области «иранистика» в целом совпадает с аналогичной терминологией русского языка. Основная масса терминологии предметной области «иранистика» в китайском языке сложилась в новейший постколониальный период истории под влиянием мировой востоковедческой науки. Исключения представляют термины, проникшие из языка этнических китайцев-мусульман хуэйцзу.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: разноструктурные языки; терминология; язык фарси; русский язык; китайский язык; методы словообразования; сопоставительное языкознание; иранистика.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Фаткулин Булат Гилмдарович, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет); доцент кафедры восточных и романо-германских языков, Челябинский государственный университет; 454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, 76; e-mail: bfatkulin@gmail.com.

Статья выполнена при поддержке Правительства РФ (Постановление № 211 от 16.03.2013 г.), соглашение № 02.A03.21.0011.

Иран на протяжении столетий занимает особое место во внешней политике России. Подписанный в июле 2015 г. «Совместный всеобъемлющий план действий относительно ядерной программы Ирана» открывает существенные возможности для Ирана по дальнейшему укреплению своей роли ведущей региональной державы.

В сфере военного сотрудничества уровень взаимодействия между должностными лицами, курирующими сферы обороны и безопасности двух стран, в значительной степени повысился [Романова 2014: 89; Белобров 2014: 11]. Позиции Ирана и России сближает ряд общих вызовов безопасности: расширение НАТО, распространение терроризма, угроза дестабилизации Центральной Азии и Южного Кавказа, нерешенность внутривосточного кризиса в Афганистане. С целью борьбы с терроризмом и экстремизмом Россия и Иран организовали сотрудничество в области разведки, оперативного и стратегического взаимодействия в Сирии.

Укрепление гуманитарных, культурных, научных и межуниверситетских связей также важно для российско-иранских отношений. Сотрудничество в сфере культуры между нашими странами в настоящий момент охватывает такие направления, как содействие взаимному обучению фарси и русско-

му языку, участие в культурных событиях, издательство и публикацию книг, изучение архивных материалов, мероприятия и программы в области музыки, кинематографии, обмен информацией и экспозициями между музеями; немаловажным представляется информационное обеспечение процесса развития двусторонних отношений как российскими, так и иранскими средствами массовой информации [Амирахмадиан 2017: 9].

Восточная политика Ирана, как и восточная политика РФ, строится с учетом возрастающей роли Китая в Евразии. На сегодняшний день Пекин установил достаточно тесные отношения с Тегераном, став одним из его крупнейших торговых партнеров. В 2014 г. общий товарооборот превысил 51 млрд долларов — это на 72 % больше, чем в 2013 г. [Лексина 2015: 57].

ИРИ, РФ и КНР обладают ресурсами дискурса, политическим и культурным влиянием в регионах пересечения интересов, военной и дипломатической силой. Комплекс этих преимуществ может помочь обеспечению стабильности и созданию устойчивой системы в регионе Шелкового пути. Выявление представителями элиты и научного сообщества новых реалий во взаимоотношениях между двумя странами снизит уровень негативных ожиданий и снимет преграды в теоретической и практической сферах в отношениях между двумя странами.

Сфера общих интересов Ирана, Китая и России в рамках меняющейся международ-

ной системы расширяется. К общим интересам можно отнести продвижение концепции многополярности [Гурин 2012: 241], обеспечение стабильности и безопасности на Ближнем Востоке, в Центральной Азии и Афганистане, борьбу с терроризмом, развитие региональной интеграции в Евразии и военное сотрудничество. С вступлением Ирана в ШОС есть надежда, что будут выработаны механизмы трехстороннего сотрудничества между Тегераном, Москвой и Пекином [Сафронова 2014: 185].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что отслеживание этих проектов российскими учеными невозможно без глубокого знания российскими специалистами особенностей китайско-иранского взаимодействия. Развивая тезис о том, что российские иранисты должны подключиться к работе в тройке «русский — китайский — фарси», необходимо добавить, что языки иранской группы являются государственными не только в Иране, но и в Афганистане (дари), а также в Таджикистане (таджикский). Фарси распространен как язык культурной элиты в пограничных с КНР районах Пакистана и Северо-Западной Индии [Гладкова 2014: 261].

Уральский федеральный округ является пограничным и транзитным регионом на пути транспортных коридоров, объединяющих страны Евразии. Поэтому уральские китаеведы включают в список объектов своего изучения не только российско-китайские отношения, но и отношения Китая с ключевыми партнерами России в Центральной Азии и на Среднем Востоке. Ввиду вышеуказанных фактов задачей иранистов и китаеведов могло бы стать в том числе и введение в российский научный оборот терминов китайского языка, обслуживающих предметную область «иранистика».

Следующая совокупность геополитических факторов определяет ключевые характеристики, выделяющие Иран среди соседей:

1. Иран — страна Среднего, а не Ближнего Востока (в рамках российского традиционно-го подхода к зонированию регионов).

2. Иран — исламская, но не арабская страна.

3. Цивилизация Ирана сформировалась задолго до формирования цивилизации ислама (династии Ахеменидов, Сасанидов, Греко-персидские войны, зороастризм и т. д.).

4. Иран, как и Россия и КНР, является многонациональной и поликонфессиональной страной.

5. В отличие от большинства стран Ближнего Востока, Иран никогда не был колонией Османской империи, никогда не входил в состав колоний какой-либо из европейских

«великих держав», всегда сохранял политический суверенитет.

6. Тип ислама в Иране — шиитский, а не суннитский.

7. В отличие от арабских монархий Персидского залива, в Иране установлен республиканский строй, однако республика в Иране исламская. «Концепция исламской республики» разработана иранскими идеологами в ходе антимонархической революции 1979 г., и связанные с ней политические институты являются базой современной иранской государственности.

Отслеживание российскими учеными работ китайских иранистов и формирование выборки аутентичной китайской терминологии в предметной области «иранистика», по нашему мнению, могло бы представлять существенный интерес для востоковедческого сегмента политической лингвистики [Кэ 2011].

Однако ввиду новизны этого направления и принимая во внимание объективные трудности по обработке информации на китайском языке, использование только лишь традиционных ручных методов при анализе китайских текстов об Иране является недостаточным. К счастью, на помощь аналитикам, исследующим проекты КНР в области иранистики, приходят достижения современной прикладной лингвистики. Тем более что научные школы корпусной и прикладной лингвистики в РФ, КНР и ИРИ сейчас активно развиваются.

Для настоящего исследования нами была поставлена цель сделать релевантную выборку терминологии предметной области «иранистика» в китайском языке и путем сопоставления выявить особенности формирования терминологии иранистики в китайском языке.

Предметная область «иранистика» в науке КНР входит в сферу разных отраслей научного знания. Это «международные отношения» (иранско-китайские, китайско-афганские, китайско-таджикские отношения), «зарубежное регионоведение» (изучение региона Ирана, Афганистана, Таджикистана и других регионов мира с ираноязычным населением), «иранские языки» (изучение языков иранской языковой семьи), «исламоведение» (изучение особенностей шиитского направления в Иране), «зарубежная литература» (изучение литературного наследия на фарси и на языках других народов иранской языковой семьи), «культурология» (изучение феноменов иранской культуры), «политология» (изучение современных иранских религиозно-политических концепций) и т. д.

В ходе планирования исследования мы ясно отдавали себе отчет в том, что использование традиционных ручных методов выборки сопряжено с большими временными затратами. Поэтому для оперативного выделения образцов терминологии иранистики в китайском языке мы использовали методы прикладной лингвистики и соответствующее программное обеспечение, предназначенное для обработки больших объемов структурированных текстов на китайском языке.

Современная прикладная лингвистика предоставляет широкий спектр возможностей для сбора и сопоставления информации на восточных языках. В силу исторических причин большинство гуманитариев-востоковедов использует утилиты, работающие под операционной системой *Windows*. Мы же в своем исследовании задействовали потенциал ОС *Linux Ubuntu*, операционной системы с открытым кодом и богатым выбором утилит командной строки [Алексеев 2009]. Большим подспорьем для нас явилось то, что прикладными лингвистами, работающими в операционной системе *Linux*, написано множество скриптов на разных языках программирования, предназначенных для выполнения задач по выделению из корпусов различной значимой информации.

Важным фактором для релевантности корпусов текстов на китайском языке является наличие «внутреннего» китайского Интернета, независимого от внешнего воздействия, а также языковая политика китайского государства, направленная на оцифровку информации на китайском языке и размещение ее в Сети. Китайские специалисты в области IT обеспечивают работу следующих важных информационных ресурсов:

- CNKI (The China National Knowledge Infrastructure) — наукометрической базы научных статей, опубликованных в китайских научных журналах, в чем-то аналогичную российской системе РИНЦ [Zhao 2011; Schnergel 2011];

- сетевой электронной энциклопедии на китайском языке *Baidu Baike* [Музыченко 2015: 101].

Наличие вышеуказанных информационных ресурсов позволяет стороннему наблюдателю не ограничиваться статьями об Иране, размещенными на российских и европейских научных порталах, а регулярно просматривать материалы об Иране на китайском языке, а также статьи китайских ученых, посвященные иранской тематике. Руководствуясь этой логикой, мы выбрали наиболее оптимальный ресурс для осуществления выборки, а именно онлайн-энциклопедию на китайском языке *Baidu*

Baike.

Для выделения терминологии китайской иранистики из китайской сетевой энциклопедии *Baidu* мы использовали написанный на языке Python и выложенный на репозитории *GitHub* скрипт *baidubaike*, который автоматически выкачивает из словарной статьи энциклопедии *Baidu* термины, имеющие в данном тексте последующую гиперссылку [Wang 2014: 587].

Мы исполнили данный скрипт в командной строке *Linux* для обширного списка понятий, однако в настоящей статье приводим результаты только двух выборок.

1. Выборка для слова «Персия» (波斯). Был получен список из 288 элементов.

古希腊语; 阿契美尼德王朝; 萨珊王朝; 印度河; 葱岭; 巴尔干半岛; 地中海; 亚丁湾; 红海; 高加索山脉; 咸海; 波斯帝国; 希腊; 欧洲; 波斯人; 雅利安人; 巴比伦; 泰西封; 设拉子; 马什哈德; 古波斯语; 巴列维语; 居鲁士大帝; 库思老一世; 犹太人; 埃及人; 突厥人; 拜火教; 巴比伦宗教; 摩尼教; 犹太教; 印度教; 伊斯兰教; 埃兰; 米底; 底格里斯河; 达罗毗荼人; 新亚述帝国; 古波斯; 伊朗; 土耳其; 印欧语系; 伊朗高原; 亚述帝国; 王国; 帕提亚; 巴克特里亚; 格德罗西亚; 阿拉霍西亚; 锡尔河; 阿姆河; 中亚河中地区; 美索不达米亚; 粟特; 冈比西斯二世; 古埃及; 大流士一世; 印度河平原; 多瑙河; 色雷斯; 马其顿王国; 古希腊; 马拉松战役; 希波战争; 薛西斯一世; 马其顿帝国; 塞琉古帝国; 腓力二世; 小亚细亚; 格拉尼库斯河战役; 伊苏斯战役; 加沙围城战; 高加米拉战役; 大流士三世; 继业者战争; 塞琉西亚; 安条克; 丝绸之路; 孔雀王朝; 琐罗亚斯德教; 里海; 帕尼人; 米特里达梯一世; 阿拉伯海; 大夏; 罗马共和国; 安息帝国; 帕提亚人; 亚美尼亚; 阿塞拜疆; 叙利亚; 阿富汗; 大呼罗珊; 巴基斯坦; 古罗马帝国; 幼发拉底河; 帕提亚帝国; 贵霜帝国; 萨珊波斯; 阿尔达希尔一世; 天主教; 景教; 东罗马帝国; 魏晋; 魏书; 张掖; 俾路斯; 阿拉伯人; 阿富汗斯坦; 锡斯坦; 波斯都督府; 阿拉伯帝国; 四大哈里发时期; 倭马亚王朝; 阿拔斯王朝; 伊斯兰对波斯的征服; 清真寺; 阿巴斯王朝; 马蒙; 塔希尔王朝; 萨法尔王朝; 萨曼王朝; 齐亚尔王朝; 白益王朝; 伽色尼王朝; 古尔王朝; 塞尔柱帝国; 花刺子模; 奥马尔·海亚姆; 鲁拜集; 人; 大蒙古国; 伊利汗国; 费尔干纳盆地; 波斯湾; 埃米尔; 铁木

真; 拖雷; 窝阔台; 蒙哥; 绰儿马罕; 拜住; 阔里吉思; 格鲁吉亚; 罗姆苏丹国; 旭烈兀; 木刺夷; 阿尤布王朝; 帖木儿帝国; 帖木儿; 黑羊王朝; 白羊王朝; 永乐大帝; 郑和; 泰米尔语; 波斯语; 伊斯迈尔一世; 伊拉克; 什叶派; 奥斯曼帝国; 土耳其人; 乌兹别克人; 巴林; 阿夫沙尔王朝; 恺加王朝; 彼得大帝; 逊尼派; 暴动; 卡扎尔王朝; 俄罗斯帝国; 英属印度; 大英帝国; 乌兹别克斯坦; 大博弈; 德意志帝国; 礼萨·汗; 巴列维王朝; 冷战; 欧罗巴人种; 伊朗语族; 西徐亚人; 萨法维帝国; 毛拉; 阿亚图拉; 库姆; 阿舒拉; 腓尼基人; 地方自治; 迦太基; 耶路撒冷; 哈马丹; 阿拉塔薛西斯一世; 尼希米; 耶路撒冷城; 阿拉米人; 阿拉米语; 迦南; 西岸地区; 米底帝国; 埃兰人; 伊朗语; 居鲁士二世; 亚历山大大帝; 以色列王国; 埃及; 撒马利亚; 摩西五经; 国家行为; 高加索; 外交手段; 巴比伦之囚; 两河流域; 东南欧; 希腊城邦; 波希战争; 迦南人; 希腊字母; 拉丁字母; 世界文学史; 霍拉桑; 法尔斯; 楔形文字; 克尔曼沙阿; 大流士; 阿维斯陀语; 安息王朝; 列王纪; 菲尔多西; 一千零一夜; 阿拉伯文; 新都; 宫殿建筑; 不死军; 埃及神庙; 石狮; 亚述建筑; 鲁达基; 撒马尔罕; 布哈拉; 巴尔赫; 图斯; 王书; 爱国主义精神; 安萨里; 内扎米; 萨迪; 阿塞拜疆人; 蒙古人; 哈菲兹; 果园; 蔷薇园; 人道主义; 苏菲派; 阿塔尔; 苏菲主义; 文学语言; 贾米; 赫拉特; 帖木儿王朝; 古兰经; 罗马帝国; 拜占庭; 穆斯林; 领土; 米底王国; 薛西斯; 波斯建筑; 古代建筑; 神殿; 神的名字; 十叶派; 哈瓦利吉派; 穆尔吉埃派; 穆罕默德; 阿里; 伊玛目; 哈希姆家族; 安拉; 马赫迪; 十二伊玛目派; 裁德派; 伊斯玛仪派; 怀柔政策; 法老; 大祭司; 海军; 亚述人; 波斯地毯.

Термины выборки «Персия» в русском переводе: *древнегреческий язык; династия Ахеменидов; Сасанидов; Инд; Памир; Балканы; Средиземное море; Аденский залив; Красное море; Кавказские горы; Аральское море; Персидская империя; Греция; Европа; персидский; арийский; Вавилон; Ктесифон; Шираз; Мешхед; староперсидский; Пехлеви; Кир Великий; я думаю; что старую библиотеку; еврей; египтянин; турки; зороастризм; вавилонская религия; манихей; иудейство; индуизм; ислам; Элам; мидяне; р. Тигр; Дравиды; Новой Ассирийской империи; Древняя Персия; Иран; Турция; ветвь индоевропейских языков; Иранское нагорье; Ассирийская империя; королевство; парфя-*

нин; Бактрия; Гедросия (древнее название сухого горного региона на юге современного Ирана и Пакистана); Арахосия (Арахозия — эллинистическое название территории современного юго-восточного Афганистана и северного Пакистана — авестийская Харахвати. В I в. до н. э. — отдельное государство); Сырдарья; Амударья; Центрально-Азиатская Трансоксания (Маверраннахр); Месопотамия; согдийская; Камбис II; Древний Египет; Дарий I; Долина р. Инд; Дунай; Фракия; Македония; Древняя Греция; битва при Марафоне; Персидской войны; Ксеркс; Македонский империя; империя Селевкидов; Филипп II; Малая Азия; битва при Гранике; битва при Иссе; осада Газы; Битва при Гавгамелах; Дарий III; война Диодохов; Селевкия; Антиохия; Шелковый путь; империя Маурьев; зороастризм; каспийский; парны; Митридат I; Аравийское море; Великий лето; Римская республика; Парфянская империя; парфяне; Армения; Азербайджан; Сирия; Афганистан; Большой Хорасан; Пакистан; Римская империя; Евфрат; Парфянская империя; Кушанская империя; Персия Сасанидов; Ардашир I; католическая церковь; несторианский; Восточная Римская империя; Вэй Jin; «История династии Вэй» (кит. трад. 魏書; упр. 魏书; пиньинь — Wèishū; палл. — Вэй шу) — историческая хроника династий Северная Вэй (386—535) и Восточная Вэй (534—550) в Китае. Входит в число 24 книг Династических историй императорского Китая. Составлена в 551—554 гг. историком Вэй Шоу (506—572) по приказу императора династии Вэнь Сюань-ди (Северная Ци); Чжанье; арабский; Афганистан; Систан; Босфор; Арабская империя; Четыре халифа; Омейядов династия; Аббасидов; Арабское завоевание Персии; мечеть; Аббасидов; Мамун; Тахридов династия; Сафаридов династия; Саманиды; Зияридов династия; Буиды; Газневидов династия; Гуридов династия; сельджукский; Хорезм; Омар Хайям; «Рубаи»; Великая Монголия; Ильханы; Ферганская котловина; Персидский залив; эмир; Темучин; Толуй; Угэдей; Мунке; Чормаган; Байджу; Коргуз; Грузия; Конийский султанат; Хулагу; ассасины; айюбиды; династии Тимуридов; Тамерлан; Кара Коюнлу; Ак Коюнлу; император Юнгле; Чжэн Хэ (1371—1435) — китайский путешественник; флотоводец и дипломат; возглавлявший семь крупномасштабных морских военно-торговых экспедиций; посланных императорами Минской династии в страны Индокитая; Индостана; Аравийского полуострова и Восточной Африки; тамильский язык; персидский; Исмаил I; Ирак; шиизм; Османская империя;

ли·拉里贾尼; 内阁; 穆罕默德; 外交部长; 穆萨维; 侯赛因; 伊斯兰文化; 阿里·阿克巴尔·萨利希; 政党法; 政党组织; 德黑兰战斗的宗教人士协会; 迈赫迪·卡鲁比; 建设公仆党; 团结党; 文明社会; 公民投票; 阿克巴尔·哈什米·拉夫桑贾尼; 伊斯兰教义; 武装力量; 议长; 义务兵役制; 决策机构; 国防部长; 总参谋长; 准军事部队; 军种; 阿亚图拉·赛义德·阿里·哈梅内伊; 司令; 哈尼; 陆军; 装甲师; 防空部队; 黎巴嫩; 苏丹; 也门; 汉武帝; 张骞; 安息; 安世高; 沙哈鲁; 忽鲁谟斯; 阿里·阿克巴尔; 中国纪行; GDP平减指数; 经济学家; 联合国工业发展组织; 中小型企业; 石油资源; 布什尔核电站; 阿巴丹; 里亚尔; 旅游签证; 库姆; 自然环境; 史迹; 文明古国; 阿维森纳; 医典; 菲尔多西; 列王记; 萨迪; 蔷薇园; 波斯文学; 消息报; 通讯社; 新华通讯社; 伊斯兰; IR; 国徽; 矿产资源; 新月; 《古兰经》; 阿拉伯文; 安拉; 宗教领袖; 独立日; 国庆日; 开斋节; 宰牲节; 阿里; 逊尼派; 伊朗总统; 人造卫星; 信使号; 希望号; 浓缩铀; 因特网; 局域网; 清洁网络; 恰高·占比尔; 波斯波利斯; 塔赫特苏莱曼; 帕萨尔加德; 巴姆城堡; 比索通古迹; 亚美尼亚庙宇群; 波斯花园; 卡布斯拱北塔; 迪拜; 伊朗藏红花.

Термины выборки для слова «Иран» в русском переводе: *Исламская Республика Иран; каспийский; Персидский залив; Аравийское море; Пакистан; Афганистан; Туркменистан; Азербайджан; Армения; Ирак; Средний Восток; ОПЕК; электронная промышленность; атомная промышленность; Движение неприсоединения; ОПЕК; Иран; Тегеран; Мешхед; Исфахан; Табриз; Гимн Исламской Республики Иран; персидский; иранский риал; Хаменеи; Рухани; персидский; курдский; ислам; шиизм; Исламский закон; теократия; Тегеранского университета; Elland; Tigris; дравиды; ассирийский; мидяне; Древняя Персия; арийский; Новой Ассирийской империи; Турция; индоевропейский; Иранское нагорье; Кир Великий; Персидская империя; династия Ахеменидов; Дарий I; Памир; Балканы; Кавказские горы; Эфиопия; Персия; Персидской войны; Александр Македонский; Селевк; Антиохия; Селевкидов царство; Парфянская империя; Парфянская империя; парфянин; Митридат I; Малая Азия; Месопотамия; Сирия; Афганистан; Аму; Большой Хорасан; Римская империя; Евфрат; Ктесифон; Селевкия; Кушанская империя; Ардашир; Сасанидов; зороастризм; католическая церковь;*

несторинский; Восточная Римская империя; Арабская империя; царство Вэй; Вэй; Чжанье; император Тан; Систан; арабское завоевание Персии; зороастризм; мечеть; Аббасидов; Мамун; Тахир династия; Сафари́дов династия; Саманиды; Зияри́дов династия; Буиды; Газневидов династия; Гури́дов династия; сельджукский; Хорезм; Омар Хайям; сельджуки; Аральское море; Хорезмшахи; Караханиды; Центрально-Азиатская Трансоксания (Маверраннахр); Бухара; Аббасиды; халиф; Фергана; турки; Багдад; Византийская империя; Хорезм; Чингисхан; Уздей; Хулагу; эриханство; феодальная династия; тюркский; Тимур; Transoxiana; династии Тимуридов; династии Тимуридов; туркменский; Каракоюнлу; Овен династия; азербайджанцы; империя Сафавидов; Кандагар; Герат; Османская империя; афганцы; Махмуд; Хорасан; Афшар династия; Керим-хан; Шираз; каджары; Австрия; буфер; полуколонияльного; Реза-хан; Пехлеви династии; Мохаммед Реза Пехлеви; Мохаммед Моссадек; Белая революция; избирательное право; экстерриториальность; Сейед Хомейни; Исламская революция; массовое движение; военный контроль; Исламская революция Ирана; Иран — кризис с заложниками; Саддам; Ирано-иракской войны; Хатами; Ось Зла; Ахмадинежад; Казахстан; Ормузский пролив; Оманский залив; граф; возвышенность; пустынный; Кэвилл; Деште-Лут; Загрос; Хузестан; Пекин; нефть; уголь; провинция; провинция Тегеран; Чехармехаль и Бахтиария; Кум; Бойерахмади и Кохкилуе; Центральная провинция; Бушир; Казвин; провинция Фарс; Гилян; Хормозган; Ардебиль; Систан и Белуджистан; Зенджан; провинция Керман; Восточный Азербайджан; Йезд; Си-Ясай, провинция, Азербайджан; провинция Курдистан; Семнан; провинция Хамадан; Керманшах; провинция Гулистан; Илам; Лурестан; Хузестан; Керман; арабский; Bakhtiari Азери; заманить людей; Балучи; роза дамасская; Хомейни; Рафсанджани; теократия; республика; меджлис Ирана; Али Лариджани; кабинет; Мухаммед; министр иностранных дел; Муссауи; Хусейн; исламская культура; Али Акбар Салехи; Закон о политических партиях; партийная организация; Тегеран — религиозные боевые дружины; Мехди Карруби; строительство служащих партии общественного; партии единства; цивилизация; референдум; Акбар Хашеми Рафсанджани; ислам; вооруженные силы; динамик; воинская повинность; принятия решений органами; министр обороны; руководитель аппарата; военизированные силы; вооруженные силы; аятолла Сейед Али Хаменеи;

командующий; Хани; армия; бронетанковая дивизия; ПВО; Ливан; Судан; Йемен; династия Хань; Чжан Цянь (кит. трад. 張騫, упр. 张骞, пиньинь — Zhāng Qiān; ум. в 114 г. до н. э.) — китайский путешественник и дипломат, чьи исторические сведения о народах, населявших Среднюю Азию во II в. до н. э., изложены Сыма Цянем в тексте «Ши цзи» («Исторические записки»), в главе «Повествование о Давань». Историческое значение путешествий Чжан Цяня трудно переоценить. Ему удалось собрать сведения о Парфии и Индии, установить дипломатические связи между Китаем и эллинистическими государствами Азии. Благодаря его путешествиям в Китай были принесены виноград и люцерна, а со временем наладилась торговля по Великому шелковому пути [Барина 2012: 80]); отдых в мире; Shigao; Шахрух; ормузский; Али Акбар; Китай, путевые заметки; дефлятор ВВП; экономист; ЮНИДО; малые и средние предприятия; нефтяные ресурсы; Бушерская АЭС; Абадан; риал; туристическая виза; Кум; природная среда; исторические места; древние цивилизации; Авиценна; Медицинский кодекс; Фирдоуси; Ван, запись, колонка; Саади; розарий; персидской литературы; Известия; информационное агентство; Агентство Синьхуа; ислам; инфракрасный; государственный герб; минеральные ресурсы; новолуние; Коран; арабский; Аллах; религиозные лидеры; День независимости; Национальный день; Ид; Ид

аль-Адха; Али; суннит; президент Ирана; спутниковое телевидение; обогащенный уран; Интернет; Локальная вычислительная сеть; защита коммуникационной сети; Персеполь; Тахт-е Солейман; Пасаргады; замок Бам; Храмовый комплекс Армении; Персидский сад; Кабус, башня; Дубай; иранский шафран.

Выбор обоих слов — «Персия» и «Иран» — для создания выборки терминов не случаен. До 1935 г. страна официально называлась Персия. Слова «Иран» и «Персия» не являются равнозначными. Элементы выборки на слово «Персия» отражают древнюю и средневековую историю Ирана. Выборка на слово «Иран» содержит дополнительные термины, касающиеся современной истории Ирана.

Апробация скрипта *baidubaike* показала, что с помощью инструментов прикладной лингвистики возможно осуществлять быструю выборку терминологии китайского языка по какой-либо предметной области. Полученная выборка может быть использована для составления терминологического китайско-русского тезауруса в области иранистики.

Перед тем как анализировать полученные выборки, необходимо учесть параллельную периодизацию истории китайского и персидского языков. Согласно этой периодизации, развитие и китайского, и персидского языков подразделяется на три основных периода (см. табл.).

Таблица. Этапы развития китайского и персидского языка

<p>1. Древнекитайский язык (XVIII в. до н. э. — 3 век н. э. (династии Шан, Чжоу, Цинь, Хань)).</p>	<p>1. Древнеперсидский язык. На этом языке персы и народы, входящие в состав их могущественной империи, разговаривали и писали в 2500-х гг. до н. э. — начале нашей эры. Письменность была представлена клинописью.</p>
<p>2. Среднекитайский язык (IV в. н. э. — XII век н. э. (6 династий, включая династии Тан, Сун)).</p>	<p>2. Среднеперсидский язык. На данном языке люди разговаривали в период с 500 г. н. э. до VI в. н. э. Известно, что письменностью у персов на этом этапе их исторического развития была арамейская вязь.</p>
<p>3. Новокитайский язык (XIII в. н. э. — XX в. (включая династии Юань, Мин, Цин)).</p>	<p>3. Новоперсидский язык. На данном языке персы стали общаться с VI в. н. э. Начиная с VII в. письменностью стала арабская вязь, ввиду того что Иранская империя была практически вся захвачена арабами, а население постепенно становилось мусульманским. После арабского завоевания персидская феодальная аристократия перешла на арабский язык. Старый среднеперсидский алфавит, крайне неудобный, уступил место арабскому алфавиту, для передачи звуков персидского языка совершенно не приспособленному. Таким образом, в литературу вошел нынешний персидский язык (так называемый «новоперсидский язык»), под которым понимают литературный и государственный язык современной Персии и Афганистана.</p>

Отмеченные в источниках случаи взаимодействия между среднекитайским и среднеперсидским языком связаны с волнами миграции ираноязычного населения Среднего Востока в Китай. Первая волна миграции связана с арабским завоеванием Ирана и уходом части сасанидской знати в Китай еще во времена династии Тан. Об этом времени повествуют надписи на надгробных плитах могил, выполненные на алфавите пехлеви.

Следующая волна миграции относится ко временам династии Юань и связана с уводом монголами в плен ираноязычных мастеров и специалистов из разгромленных ими государств Мавераннахра. Число мусульман в управленческих структурах династии Юань тогда было сравнительно велико. Интерес к языкам средневосточных государств в Китае во времена династии Цин связан с вхождением Синьцзяна в состав Цинской империи. Мусульманское население Синьцзяна использовало заимствования из арабского и персидского языков, и китайские чиновники должны были освоить этот пласт терминологии. В приведенных нами выборках содержатся термины, отражающие перечисленные этапы истории иранско-китайских отношений.

Можно предположить, какие факторы учитываются специалистами КНР при формировании политических подходов к современному Ирану.

1. Ираноязычные народы не входят в число крупных национальных меньшинств КНР (сарыкольские таджики СУАР (Синьцзян-Уйгурского автономного района) являются крайне малочисленной народностью).

2. Граждане КНР, исповедующие ислам (как национальные меньшинства, так и этнические китайцы-мусульмане *хуэйцзу*), преимущественно принадлежат к суннитскому направлению ислама, поэтому обширный пласт терминологии, присущий шиитскому направлению ислама, распространенному в Иране, не используется в повседневной практике китайских мусульман.

С лингвистической точки зрения полученная выборка терминов китайского языка, используемых в сфере «иранистика», может быть рассмотрена в рамках процесса, имеющего название «освоение каким-либо языком иноязычных слов в качестве терминов».

Следует отметить, что китайский язык, как и китайская цивилизация в целом, на протяжении долгого времени оставался закрытым, изолированным языком, развиваясь по своим собственным законам. Поэтому освоение слов-терминов, характеризующих иноязычные культуры, в китайском языке

происходит в соответствии с основным словообразовательными моделями китайского языка.

Бин Ли выделяет четыре основных метода освоения иноязычной терминологии в текстах на китайском языке [Ли 2016]:

1. Фонетический метод освоения, при котором образование новых слов происходит по принципу передачи звучания. В более ранние периоды развития языка фонетические способы освоения были наиболее характерны. Так, в древнекитайском языке встречаются фонетические заимствования из так называемых Западных районов (в настоящее время это автономный округ Китая Синьцзян и некоторые страны Центральной Азии, такие как Индия, Персия), а также заимствования из языков других национальностей (не ханьцы), проживающих на территории современного Китая, в частности уйгур. Что касается новоперсидского языка и сложившейся в нем терминологии самоописания персидской цивилизации, то он подвергся значительному влиянию ислама и арабского языка.

Фонетические составы современного языка фарси, арабского языка (который является одним из языков-доноров для персидского языка) и современного китайского языка сильно разнятся: далеко не все звуки в языке-реципиенте могут в достаточно точной мере передавать фонетическую оболочку слов языка-донора. Преимущества фонетического освоения заключаются в том, что, поскольку фонетически слово похоже на слово языка-донора, оно значительно облегчает общение между представителями разных культур; фонетически освоенное слово легко воспринимается и запоминается образованными людьми, особенно людьми, владеющими языком-донором. К недостаткам фонетического освоения можно отнести трудность воспроизведения. С точки зрения произношения фонетически освоенного термина, оно не всегда является привычным и легко воспроизводимым для носителей языка-реципиента, не владеющих языком-донором.

Данная трудность характерна для китайского языка с его иероглифическим письмом, так как не существует строгих правил письменной фиксации фонетических заимствований — вполне вероятно, что для одного и того же слова будет несколько вариантов его записи иероглифами [Алексахин 2010]. С фонетической точки зрения, иероглиф китайского языка — это слог, состоящий из двух частей: инициали и финали; фонетическое заимствование, переданное таким образом, может сильно отличаться от изна-

чального слова в языке-доноре. В зависимости от используемых иероглифов сочетания согласных звуков могут быть разбиты, изменены, а некоторые звуки или даже слоги могут отсутствовать вообще. Данное явление говорит о том, что в процессе адаптации слово-заимствование должно «врасти» в язык-реципиент в соответствии с фонетическими и иными особенностями китайского языка. В китайско-иранском терминологическом взаимодействии такой широко распространенный среди буквенных алфавитных языков способ письменной фиксации освоенных слов, как транслитерация, довольно сложен. В современном китайском языке фонетические заимствования встречаются лишь в редких случаях, когда слова имеют простую фонетическую организацию и означают реалии страны, не имеющие аналога в китайском языке и культуре.

2. Семантический метод освоения предполагает появление и функционирование в языке новых понятий, передача которых осуществляется путем перевода составляющих термин частей. В процессе семантического освоения терминов трудность заключается в подборе иероглифа, наиболее точно передающего нужное значение. К преимуществам семантического освоения можно отнести:

- легкость произношения и запоминания. Так как семантически освоенное слово записывается в языке-реципиенте средствами (словами и морфемами) самого языка-реципиента, то произношение семантически освоенных терминов максимально приближено к привычной фонетической организации звуков и слогов в языке-реципиенте, следовательно, данное слово легко для произношения и запоминания носителями этого языка;

- семантическую наглядность. В силу того, что китайские иероглифы — это идеограммы, значение слова передается уже посредством значения самого иероглифа, что значительно облегчает понимание и запоминание нового слова носителями китайского языка [Горчакова 2012: 180].

К недостаткам семантического освоения относится значительное неудобство в использовании данного слова в международном общении. Как уже упоминалось выше, семантически освоенные термины наиболее легко усваиваются носителями китайского языка. Поэтому, по нашему мнению, основными «авторами» семантически заимствованной терминологии иранистики в китайском языке являются представители народности хуэйцзу (этнические мусульмане), в силу религиозной принадлежности знакомые

с реалиями стран Ближнего и Среднего Востока.

3. Полусемантический-полуфонетический метод освоения характеризуется тем, что часть термина переводится на китайский язык при помощи существующих в нем лексических единиц, а другая часть термина передает звучание, схожее со звучанием в языке оригинала.

4. Гибридный метод реализуется путем включения элементов обоих языков. Здесь звучание и значение передаются в переводе, часто используемая форма гибридной передачи слов-заимствований — это непосредственное использование элементов обоих языков. Гибридный тип заимствования также передается в переводе, например: *веляят-е-факих* — *опека факиха*.

Изучив обе выборки и полученные пары эквивалентов, мы пришли к выводу, что китайские специалисты по Ирану неизбежно испытывают определенные трудности в обработке текстов на языке фарси и во введении в научных оборот терминов иранистики. Трудности, на наш взгляд, обусловлены рядом следующих факторов лингвистического характера.

1. Способы словообразования в китайском языке отличаются от способов, принятых в персидском языке: новоперсидский язык в процессе словообразования использует все методы, характерные для индоевропейских языков (аффиксацию, основосложение). Кроме того, в ходе своего развития новоперсидский язык освоил множество терминов из арабского языка, которые построены по арабским словообразовательным моделям (глагольным породам и отглагольным существительным «масдарам»). Иероглифическая передача терминов стирает этимологию слов и не отражает их смысловой мотивировки.

2. Китайский язык принадлежит к изолирующим языкам, где слова носят односложный характер, и транслитерация многосложных терминов из языка фарси затруднена. Попытки транслитерировать иранские термины комбинацией похожих по звучанию иероглифов порождают лексическую омонимию, что затрудняет восприятие терминов неспециалистами.

На основании практического анализа языковых фактов мы приходим к следующим выводам.

1. Средствами прикладной лингвистики возможно быстро и эффективно произвести выборку терминологии современного китайского языка в различных предметных областях наук. Для этого целесообразно шире использовать оцифрованные и структуриро-

ванные корпуса текстов на китайском языке, в частности китайскую национальную электронную онлайн-энциклопедию «Байду Байке». Современная прикладная лингвистика предоставляет для произведения выборки ряд эффективных инструментов, в частности скрипт *baidubaikе*, написанный для языка Python, успешную апробацию которого мы провели в ходе настоящего исследования.

2. Анализ полученных нами выборок китайских терминов по предметной области «иранистика» и сопоставление этих терминов с аналогичными терминами в русском языке выявил, что в смысловом отношении терминология китайского языка по предметной области «иранистика» в целом совпадает с аналогичной терминологией русского языка. Основная масса терминологии предметной области «иранистика» в китайском языке сложилась в новейший постколониальный период истории под влиянием мировой востоковедческой науки. Своеобразие терминологии предметной области «иранистика» в китайском языке связано с самостоятельной ролью китайского востоковедения и его опорой на историю контактов с Ираном в период, предшествовавший европейским Великим географическим открытиям и попыткам колонизации Китая европейскими державами. В китайский научный язык эти термины проникли из языка этнических китайцев-мусульман хуэйцзу, и в их формировании задействованы словообразовательные методы китайского языка.

3. На формирование терминов предметной области «иранистика» в китайском языке оказывают влияние лингвистические факторы, а именно система словообразования в изолирующих языках, затрудняющая фонетическое освоение терминов из языков, имеющих богатый консонантизм и развитую систему флексий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексахин А. Н. Взаимодействие иероглифического и звукобуквенного стандартов слова китайского языка путунхуа // Вестн. МГИМО Университета. 2010. Т. 1. С. 128—135.

2. Алексеев Е. Р. Использование свободных программ в научных исследованиях // Прикладная информатика. 2009. Т. 6. С. 61—79.

3. Амирахмадиан Б., Азизи Х., Демиденко С. В., Дунаева Е. В., Евсеев В. В., Зюзин П. В., Иванов И. С., Карамидж., Кортунов А. В., Киани Д., Князев А. А., Кожанов Н. А., Лукьянов Г. В., Мамедова Н. М., Мусави Р., Паранд Ф., Саджадпур М. К., Шакиби Ж., Санаи М., Шариагиния М., Шури Т. П. В. Партнерство России и Ирана: текущее состояние и перспективы развития. Доклад № 29/2017. — М., 2017. 184 с.

4. Барнинова Е. В. Проблема контактов Китая с народами Центральной Азии в домонгольский период в отечественных и зарубежных исследованиях XIX—XX веков // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. Т. 3 (19). С. 76—83.

5. Белобров Ю. Я. Современные российско-иранские отношения: вызовы и возможности : рабочая тетр. / под ред. И. С. Иванова. — М. : Спецкнига, 2014. 72 с.

6. Гладкова Е. Л. Школы преподавания индоиранских и африканских языков // Вестн. МГИМО Университета. 2014. Т. 5 (38).

7. Гурин М. В. Нарастание тенденций многополярности в современном глобализирующемся мире // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2012. Т. 4.

8. Кэ Я. Исследования политической коммуникации в Китае // Политическая лингвистика. 2011. Т. 3. С. 58—63.

9. Лексина Е. А. Ирано-китайские отношения в геополитическом треугольнике США — Иран — КНР: противоречия и перспективы // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2015. Т. 5. С. 56—63.

10. Ли Б. Заимствование как способ пополнения лексического состава современного китайского языка // Научные ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2016. Т. 21 (242). С. 64—67.

11. Музыченко Ю. Ф. Энциклопедия Байду Байке: возможности исследования и преподавания китайского языка: *iproceedings* // Ломоносовские чтения. Востоковедение : тез. докл. науч. конф. (Москва, 20 апр. 2015 г.). — М. : Изд-во Москов. ун-та, 2015. С. 100—102.

12. Романова Е. А., Чернышев Е. А., Романов А. Д. Подводные силы Исламской Республики Иран // Современные наукоемкие технологии. 2014. Т. 9.

13. Сафронова Е. И. Значение гуманитарного сотрудничества стран ШОС и интересы России // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2014. Т. 19. С. 183—203.

14. Торчакова Н. В., Фомин А. Г. Проблемы адаптации фонетических и семантических заимствований в китайском языке: диахронический аспект // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. 2012. Т. 4. С. 178—182.

15. Scherngell T., Hu Y. Collaborative Knowledge Production in China: Regional Evidence from a Gravity Model Approach // *Regional Studies*. 2011. Т. 45, № 6. P. 755—772.

16. Wang Y.-C., Wu C.-K., Tsai R.T.-H. Cross-language and cross-encyclopedia linking using mixed-language topic model and hypernym translation // 52nd Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics, ACL 2014 — Proceedings of the Conference. 2014. Т. 2. P. 586—591.

17. Zhao L., Zhang Q. Mapping knowledge domains of Chinese digital library research output, 1994—2010 // *Scientometrics*. 2011. Т. 89, № 1. P. 51—87.

B. G. Fatkulin
Chelyabinsk, Russia

TERMINOLOGY OF THE SUBJECT AREA “IRANIAN STUDIES” IN A PAIR OF LANGUAGES “RUSSIAN-CHINESE”: A PRACTICAL ANALYSIS OF LINGUISTIC FACTS

ABSTRACT. *The article aims at collecting Chinese terms used in the sphere of Iranian studies. The script «baidubaikе» was used for this purpose. On-line encyclopedia «Baidu Baikе» was the basis for sampling. The features of the terms describing the sphere of Iranian studies in Chinese are revealed with the help of comparative analysis. Chinese experts on Iran experience certain difficulties when reading the papers in Persian and introducing some Iranian terms in scientific texts. These difficulties are determined by linguistic factors. First of all, word building in Chinese is different from that of Persian language, the latter uses the same word building models as Indo-European languages (affixation, stem-composition). When a term is rendered in hieroglyph it loses its etymology and semantic motive. Secondly, Chinese is an isolating language consisting mostly of one-syllable words, that is why poly-syllabic terms in Persian are difficult to render in Chinese. The attempts to transliterate Iranian terms with the help of hieroglyphs pronounced similarly cause lexical homonymy which makes*

it difficult to comprehend the term by non-specialists. Having compared Russian and Chinese terms circulating in the sphere of Iranian studies, it was found that they have much in common. Most terms of the sphere of Iranian studies were introduced into Chinese in post-colonial period and they experienced the influence of the global oriental science. The exception are the terms borrowed from the language of the Hui people, ethnic Muslim Chinese.

KEYWORDS: *languages with different structures; terminology; Farsi; Russian language; Chinese language; word building models; comparative linguistics; Iranian studies.*

ABOUT THE AUTHOR: *Fatkulin Bulat Gilimdarovich, Candidate of Philology, Associate Professor, South Ural State University (national research university); Chelyabinsk State University; Chelyabinsk, Russia.*

REFERENCES

1. Aleksakhin A. N. Vzaimodeystvie ieroglificheskogo i zvukobukvennogo standartov slova kitayskogo yazyka putunkhua // Vestn. MGIMO Universiteta. 2010. T. 1. S. 128—135.
2. Alekseev E. R. Ispol'zovanie svobodnykh programm v nauchnykh issledovaniyakh // Prikladnaya informatika. 2009. T. 6. S. 61—79.
3. Amirakhmadian B., Azizi Kh., Demidenko S. V., Dunaeva E. V., Evseev V. V., Zyuzin P. V., Ivanov I. S., Karami Dzh., Kortunov A. V., Kiani D., Knyazev A. A., Kozhanov N. A., Luk'yanov G. V., Mamedova N. M., Musavi R., Parand F., Sadzhadpur M. K., Shakibi Zh., Sanai M., Shariatinia M., Shuri T. P. V. Partnerstvo Rossii i Irana: tekushchee sostoyanie i perspektivy razvitiya. Doklad № 29/2017. — M., 2017. 184 s.
4. Barinova E. B. Problema kontaktov Kitaya s narodami Tsentral'noy Azii v domongol'skiy period v otechestvennykh i zarubezhnykh issledovaniyakh XIX—XX vekov // Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke. 2012. T. 3 (19). S. 76—83.
5. Belobrov Yu. Ya. Sovremennye rossiysko-iranskie otnosheniya: vyzovy i vozmozhnosti : rabochaya tetr. / pod red. I. S. Ivanova. — M. : Spetskniga, 2014. 72 s.
6. Gladkova E. L. Shkoly prepodavaniya indoiranskikh i afrikanskikh yazykov // Vestn. MGIMO Universiteta. 2014. T. 5 (38).
7. Gurin M. V. Narastanie tendentsiy mnogopolyarnosti v sovremennom globaliziruyushchemsya mire // Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy. 2012. T. 4.
8. Ke Ya. Issledovaniya politicheskoy kommunikatsii v Kitae // Politicheskaya lingvistika. 2011. T. 3. S. 58—63.
9. Leksina E. A. Irano-kitayskie otnosheniya v geopoliticheskom treugol'nike SSHA — Iran — KNR: protivorechiya i perspektivy // Aktual'nye problemy sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniy. 2015. T. 5. S. 56—63.
10. Li B. Zaimstvovanie kak sposob popolneniya leksicheskogo sostava sovremennogo kitayskogo yazyka // Nauchnye vedomosti Belgorod. gos. un-ta. Ser.: Gumanitarnye nauki. 2016. T. 21 (242). S. 64—67.
11. Muzychenko Yu. F. Entsiklopediya Baydu Bayke: vozmozhnosti issledovaniya i prepodavaniya kitayskogo yazyka: inproceedings // Lomonosovskie chteniya. Vostokovedenie : tez. dokl. nauch. konf. (Moskva, 20 apr. 2015 g.). — M. : Izd-vo Moskov. un-ta, 2015. S. 100—102.
12. Romanova E. A., Chernyshev E. A., Romanov A. D. Podvodnye sily Islamskoy Respubliki Iran // Sovremennye naukoemkie tekhnologii. 2014. T. 9.
13. Safronova E. I. Znachenie gumanitarnogo sotrudnichestva stran ShOS i interesy Rossii // Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'. 2014. T. 19. S. 183—203.
14. Torchakova N. V., Fomin A. G. Problemy adaptatsii foneticheskikh i semanticheskikh zaimstvovaniy v kitayskom yazyke: diakhronicheskiy aspekt // Vestn. Kemerov. gos. un-ta. 2012. T. 4. S. 178—182.
15. Scherngell T., Hu Y. Collaborative Knowledge Production in China: Regional Evidence from a Gravity Model Approach // Regional Studies. 2011. T. 45, № 6. P. 755—772.
16. Wang Y.-C., Wu C.-K., Tsai R.T.-H. Cross-language and cross-encyclopedia linking using mixed-language topic model and hypernym translation // 52nd Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics, ACL 2014 — Proceedings of the Conference. 2014. T. 2. P. 586—591.
17. Zhao L., Zhang Q. Mapping knowledge domains of Chinese digital library research output, 1994—2010 // Scientometrics. 2011. T. 89, № 1. P. 51—87.